

Вопросы самотождественности человека в среде языка.

Одной из главных задач современного философского текста является работа по ре-анимации человека, мира, и, прежде всего, языка. Именно язык утрачивает характеристики живого. Сегодня мы не можем мыслить ни человеческую личность, ни окружающий мир, существующими до и вне языка. Язык, проявляющийся как структурированное, и в то же время, структурирующее начало, по определению пронизывает все, о чем можно думать или говорить. Вопросы Р.Барта, в этом контексте, звучат не только как призыв к переопределению места и роли языка в человеческой жизни. Пересмотру подлежит сам взгляд на язык, само его понимание. «Действительно, могу ли я рассуждать о языке как о некоем объекте? Да неужели же я существую до своего языка? И что же в таком случае представляет собой это я, будто бы владеющее языком, между тем как на самом деле именно язык вызывает я к бытию?»¹ Вот почему реанимировать необходимо среду обитания человека – его язык.

Сегодня и человек и язык переживают глубокие и во многом фатальные изменения, вызванные позитивизмом и сциентизмом. «Для науки язык лишь орудие, и его желательно сделать как можно более прозрачным и нейтральным, поставить в зависимость от субстанции научного изложения, которая считается по отношению к нему внеположной и первичной.»² Смысл уже не несется впереди своего знака, игриво отсылая нас к множеству культурных кодов. Он однозначно и угрюмо топчется вокруг знака, утратив признаки живого и все больше обретая признаки механического. Однозначность смысла, действительно необходимая в науке, вошла в жизненный мир человека, привнеся в него обыденность и скуку.

Современный философский текст нацелен на расшатывание реальности, на разрушение однозначности научного дискурса. Этот текст либо избегает, либо ставит в кавычки такие слова, как «истина», «реальность», «объективность», и смысл такого избегания или закавычивания заключается в утере однозначности и привилегированности каких-то определенных смыслов. «Это возможность сокрушить утверждаемые наукой теологические представления, отвергнуть террор отеческого авторитета, что несут в себе сомнительные «истины» содержательных посылок и заключений.»³ Следуя логике Р.Барта, нашей задачей станет перевод языка и пребывающего в его среде человека из статуса объекта, ограниченного дефинициями, в статус процесса, характеризующегося перманентными изменениями и различиями, имеющими скорее темпоральные, чем пространственные характеристики. Таким образом, мы должны увидеть неоднозначность как человека, так и языка, их несамотождественность, ускользание из схем и определений. Чтобы объект, имеющий свою сущность и определение, перестал быть таковым, нам необходимо увидеть, его нетождественность самому себе. Следует элиминировать логическую аксиому А есть А, при чем эта процедура должна быть проделана как с человеком, так и с языком.

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 339.

² Там же. С. 376.

³ Там же. С. 381.

Является ли человек тождественным самому себе? Является ли он одним и тем же? С обыденной точки зрения ответ будет положительным. Да, я есть я. Однако, при рассмотрении различных взглядов и знаний о человеке, мы будем встречать постоянные разделения. С точки зрения социальной психологии (ролевая концепция личности), человек вроде бы самотождественен, однако постоянно вовлечен в социальные роли, которые зачастую практически взаимоисключают друг друга. Фрейдизм разделяет человеческую психику на оно, эго, супер эго, подразумевая, однако, в целом ее самотождественность. Школа Анналов рассматривает ментальность, выделяя культуру масс и придворную культуру так, словно между ними стоит непреодолимая стена. Социальная философия с легкостью различает формы сознания (обыденное, религиозное, научное, мифологическое и т. д.), ни слова не говоря об отсутствии самотождественности человека в данных формах. Следствием приведенных примеров может быть вопрос о пересмотре априорной установки на самотождественность человека, являющейся, вероятно, сущностной в западной традиции.

Герменевтический подход окажется для нас достаточно продуктивным, т. к. в этом случае самотождественность человека может быть формально выражена как возможность понимания собой самого себя в любой момент времени и в любой ситуации в рамках одного определенного дискурса. Следовательно, не-тождественность самому себе, предстает как возможность само-не-понимания. Только в процессе самоотношения, осуществляющемся в какой-либо из форм языковой практики, феномен понимания или непонимания человеком самого себя может проявиться и стать видимым. В этом месте нужно быть особенно осторожным, ведь отношение как таковое требует как минимум два явления, которые будут со-относиться. Однако, пройдя по пути дифференцирования, мы неизбежно придем к одной из классических форм разделения человека - либо на сознательное и бессознательное, либо на Я-субъект и Я-объект, и т.п. Проблема в том, что ни одна из форм разделения не будет являть собой пример чистого самоотношения, ведь указанные явления по определению являются иными по отношению друг к другу. Здесь необходимо такое разделение, которое формально им не является, чтобы мы могли вслед за Х. -Л. Борхесом сказать: «Я не знаю, кто из нас двоих пишет эту страницу»⁴. Для рассмотрения данного вопроса, позволим феноменологическому дискурсу, воспроизведенному Ж. Деррида, на время захватить наше сознание.

Первой и основной формой самоотношения человека является речь, говорение с самим собой, «одинокая ментальная жизнь». В этом случае самоотношение осуществляется как два одновременно протекающих процесса: это проговаривание себя и слушание себя. Ж. Деррида отмечает, что «слушание своей речи переживается как абсолютно чистое самоотношение, происходящее в близости-к-себе, фактически являющейся абсолютной редукцией пространства вообще.»⁵ Речь, как репродукция чистого самоотношения всегда способствовала процессу самопонимания и самопознания. Действительно, для возникновения искомого нами феномена самонепонимания в человеческой речи необходима, как минимум, двойная интенциональность сознания. Интенция говорящего сознания

⁴ Борхес Х. -Л. Проза разных лет. М., 1989. С. 234

⁵ Деррида Ж. Голос и феномен Изд. «Алетейя» (СПб) – 1999. С. 106

должна радикально отличаться от интенции воспринимающего сознания. Однако, учитывая власть дискурса, который в данный момент времени конструирует субъекта, а также его мир, сознание не имеет возможности для такого саморазделения без разрушения логики дискурса, и, как следствие, потери самой возможности что-то сказать. Таким образом, мы не можем говорить о возможности самонепонимания в феноменах говорения и коммуникации как таковой, рассматривая коммуникацию как «оживление чувственного феномена через смыслопридающие акты субъекта, чья интенция в то же время понимается другим субъектом.»⁶

Второй формой самоотношения для нашего рассмотрения явится репрезентация в таком модусе явления предмета сознанию как воспоминание. Феномен, представляющий собой первичное, предвыразительное впечатление, плюс работа, совершенная сознанием по формированию предмета (то, что должна отбросить редукция), вдруг появляется в человеческом сознании. Бесспорно, что при формировании предмета, сознание должно находиться (находилось) во власти какого-то определенного дискурса. И если теперь, при репрезентации этого явления сознание пребывает в расположении иного дискурса, то возможно начало процесса самонепонимания. Однако, в данном случае, ничто не мешает (и по всей видимости так и происходит) реконструировать предмет. Реконструирование здесь понимается не в смысле воссоздания предмета в его самотождественности, а в смысле переконструирования, преобразования. Таким образом, в реконструированном феномене, как несократимый остаток остается прежним лишь первичное впечатление, а вся остальная работа по конструированию предмета происходит заново, согласно логике иного дискурса, того, который в данный момент владеет сознанием. Эта реконструкция является механизмом, препятствующим процессу само-не-понимания. Действительно, интенция сознания, на первый взгляд остается прежней, но только в том случае, если интенциональность рассматривать в обыденно-философском смысле, как направленность сознания на предмет. В обычном понимании интенциональность имеет практически исключительно пространственные характеристики, как стремление, направленность, направление. Однако если принять во внимание функционирование данного слова в европейских языках (*intention* – намерение, умысел; *intentional* – умышленный (англ.); *intento* – намерение, попытка; *intencionado* – преднамеренный (исп.)), то становится ясно, что мы совершенно упускаем из внимания временную характеристику смысла этого понятия. Таким образом, интенциональность, понятая не только пространственно, как направленность на предмет, но и темпорально, как преднамеренность, предумышленность, позволит нам увидеть процесс реконструкции, репродукции предмета при переходе из среды одного дискурса в другой. В итоге именно дискурс «преднамеренно» (согласно собственной логики) формирует вспоминаемое явление, блокируя возможность возникновения процесса самонепонимания.

Третьей формой возможного самоотношения, рассмотренной нами станет текст. Текст здесь будет пониматься нами в широком смысле, не только как графическое письмо. Текстом может стать любая мысль, любое действие человека, представшие перед нами в форме означающих, несущих определенные

⁶ Там же. С. 54

смыслы. Значимым для нас в понятии текста будет исчезновение (смерть) автора, и как следствие, согласно Барту, рождение читателя-творца. Текст как нечто, совершенно отличное от коммуникации станет таковым именно в связи с исчезновением смыслопорождающего субъекта-автора, который в данной ситуации перестает оживлять текст, передавая интенцию кому-то другому. Но мы не должны понимать этот процесс так, что текст становится мертвым в связи с бесследным исчезновением автора. Текст оживляется дискурсом и становится его воплощением; дискурсом, поглотившим и растворившим в себе автора. Именно в таком, поглощающем смысле, мы будем понимать смерть автора.

«Текст является телом, которое что-то выражает, только если мы актуально произносим одушевляющее его вербальное выражение, если его пространство темпорализуется.»⁷ Текст как таковой не является носителем каких-то жестко определенных смыслов. Он, являясь воплощением дискурса, содержит в себе правила и логику порождения этих смыслов. Теперь, когда отсутствует интенция выражающего субъекта, которую должен использовать воспринимающий субъект, текст станет телом, которое что-то выражает только благодаря конструирующей и оживляющей среде дискурса. Следовательно, воспринимающий должен находиться или перейти под власть дискурса текста для того, чтобы текст стал выражением своих собственных потенциальных смыслов.

Таким образом, становится возможной ситуация в которой создателем и свидетелем текста является один и тот же человек, в котором автор и читатель отдалены во времени, но остаются одним и тем же в пространстве. Здесь я (как автор) также умирает для самого себя другого, осуществляя возможность множественности прочтений и пониманий собственного текста. Однако такое положение вещей не порождает непонимания только до тех пор, пока *я-читатель* читает на том же языке, на котором творил свой текст *я-автор*. Представим ситуацию, в которой выражающий субъект творил в среде дискурса, совершенно отличного от того, под властью которого он же находится в момент чтения. В этом случае неизбежен фундаментальный конфликт дискурсов, который продолжается либо до тех пор, пока читатель с раздражением и бранью не выпшвырнет текст вон из своего сознания, либо пока дискурс письма не сделает его своим вассалом. Этот конфликт дискурсов, это непонимание собственного текста и есть искомым нами случай само-не-понимания, когда я-выражающий и я-воспринимающий находятся в разных полях языкового континуума, находятся под властью разных дискурсов.

Представленный нами акт само-не-понимания более не позволит говорить о самотождественности человека как такового. Человек не есть и не может быть одним и тем же ни как объект, ни как субъект. И если мы соглашаемся с Ф. де Соссюром в том, что в языке нет ничего кроме различий, то мы должны сказать это и о человеке. Провозглашая самотождественность человека, мы совершаем акт насилия над ним, низводя его до качества серийного продукта, оцениваемого потребителем.

Выйдя на рубеж инаковости, различения (differance) внутренне присущего человеческому существу, следующим шагом должен стать вопрос о том, как

⁷ Деррида Ж. Голос и феномен Изд. «Алетейя» (СПб) – 1999. С. 108

возможна указанная несамотождественность. Здесь необходим пересмотр понимания той почвы, в которой укоренен человек, той среды, которая одновременно соединяет его со всем миром, и в то же время остается неизбежным, непроницаемым посредником - пересмотр понимания языка как объекта, как орудия, инструмента для передачи информации. Нам необходимо представить такое описание языка, в котором он пребывает как процесс, со всей его многозначностью, противоречиями и пограничными состояниями. Нашей задачей остается поиск и проявление языковых различий и противоречий, ведь именно в сфере языка человек, как сущее, имеющее свою сущность, может позволить себе изменять ее, становиться другим. «Именно на доминирование сущего и начинает повсюду оказывать воздействие (*solliciter*) различение – в том смысле, в каком *sollicitare* означает в старолатинском «расшатывать как целое», «заставить сотрясаться целиком».⁸

Следует увидеть язык не только гарантом согласованности и определенности, но также источником и возможностью изменений, противоречий и самой жизни. Согласно М. Хайдеггеру именно посредством языка осуществляется пред-схватывание вещей. Язык осуществляет предварительный набросок, проект человека и вещи в будущее. Язык уже предрасположил реальность перед тем как мы ее восприняли, осуществив разбив бытия, он организовал его. Однако с другой стороны, язык позволяет вещам находиться в постоянном изменении и переконституировании, в результате чего человек нуждается в герменевтической интерпретации предмета всякий раз, как он представлен перед ним. Такой предмет содержит в себе одновременно два условия – это сохранение самоидентичности, и в то же время – возможность изменения, переинтерпретации. «То, что стоит перед нами как нечто, представленное именно так, а не иначе, должно пройти через все, что ему открыто напротив. Но при этом все же остаться самим собой и показать себя как нечто устойчивое.»⁹ Пред-ставленная вещь должна пройти через человека, через логику его дискурса, обретая собственные смыслы. Власть над собственным миром, над собственной жизнью герменевтична по своей сути, являясь интерпретацией и толкованием окружающих вещей как знаков языка судьбы. Действительно, любая вещь здесь предстает знаком языка, посредством которой осуществляется человеческое общение со всем, что есть. Можно ли найти что-либо во внутреннем или внешнем мире, что не могло бы являться в своей мере знаком? Для того, чтобы нечто такое найти, нужно это нечто обозначить, и как только оно будет обозначено, оно уже будет принадлежать структуре языка.

Как же мы будем понимать язык в этом контексте? Здесь необходимо пояснить, что разрабатывая собственное описание языка, мы не претендуем на объективность и всеобъемлемость данного описания, нам важно прояснить лишь одну из множества граней языка, а именно его динамику и несамотождественность. Этим объясняется с одной стороны сближение нашего описания с естественнонаучной парадигмой (что возможно обеспечит необычность, а значит и интерес подхода), а с другой стороны использование привычных в семиотике терминов (что позволит хотя бы относительно сохранить понятийную почву). Попытаемся представить язык через физическое понятие

⁸ Деррида Ж. Голос и феномен Изд. «Алетейя» (СПб) – 1999. С. 196

⁹ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С.42

поле, понимая его как определенную среду, обладающую однородной структурой, пространственно не ограниченную и имеющую различную напряженность в разных точках. Такое представление языка было выбрано в связи с тем, что физическое поле, по сути, является идеальным объектом, а согласно Ж. Деррида «только в случае идеальных объектов интерсубъективность, являющаяся условием объективности, становится абсолютной.»¹⁰ Попытаемся описать вышеперечисленные идеальности, такие как обладание однородной структурой, неограниченность, наличие различных напряженностей в разных точках.

Начиная по порядку, сразу заметим, что обладание однородной структурой, в данном контексте, означает, конечно же то, что язык является полем знаков, имеющих более или менее одинаковое строение. Воспроизводя любую модель знака, мы можем классически выделить в ней оппозицию: означающее (воспринимаемое) и означаемое (понимаемое). Означающее или воспринимаемое мы будем понимать достаточно широко - как акустический или визуальный образ предмета или события, словом все то, что при появлении в нашем сознании отсылает нас к чему-то еще, к какому-либо другому предмету, знаку или событию.

Несколько сложнее дело обстоит с означаемым. Что понимать под этим термином: вещь, объект, идеальную сущность, или, наконец, интенциональный смысл? Не углубляясь в рассмотрение двойственных и тройственных структур знака, позволим себе вернуться в среду феноменологического дискурса. Здесь, вслед за Гуссерлем, означаемое мы сможем понимать как значение, главной функцией которого является чистое выражение без примеси указательной функции. Это значение является идеальной сущностью. «В выражении интенция абсолютно раскрыта..., поскольку выражение есть значение, т. е. идеальность, не «существующая» нигде в мире.»¹¹ Значение здесь - чистое выражение, абстракция, не имеющее отношения к какой-либо конкретности. Благодаря своей идеальности, значение будет иметь объективный характер, но с другой стороны, оно не будет отсылать к какому-то определенному объекту знаку или событию. Возьмем, к примеру, фонетический образ «ручка», который, в данном случае, играет роль означающего. Значение этого слова, его идеальный образ можно формализовать так: «это нечто идеальное, непосредственно связанное с человеческой рукой». Как мы видим, при такой формализации мы не можем быть отосланы к какому либо конкретному объекту (к дверной ручке, к авторучке, или, наконец, к детской ручке). Значение, как выражение идеальности, не может нести в себе указательной функции.

В таком случае, с необходимостью должна появиться еще и третья составляющая знака - его смысл. Именно смысл, как воплощение интенциональности сознания, будет отсылать нас к конкретным предметам или другим знакам. При таком структурировании знака, значение, как идеальность, всегда одно, но в то же время возможный объем этой идеальности покрывает весь набор возможных смыслов и коннотаций.

Как возможно мыслить предметность, включенной в структуру знака? Согласно вышеприведенному описанию данной структуры, мы можем рассматривать предмет лишь в качестве воспринимаемого - репрезентанта,

¹⁰ Деррида Ж. Голос и феномен Изд. «Алетейя» (СПб) - 1999. С. 16

¹¹ Деррида Ж. Голос и феномен Изд. «Алетейя» (СПб) - 1999. С. 49

предмет не может быть ни идеальностью (выражением), ни смыслом. Таким образом, любой предмет в социальном пространстве входит в структуру знака, но не в качестве того, что означивается, но в качестве того, что означает. Именно при такой постановке вопроса вскрывается вторая характеристика поля знака – неограниченность. Действительно, все, что может быть воспринято, все, что может быть объектом сознания, автоматически встраивается в структуру знака. Данная структура неограниченна в том смысле, что пронизывает и упорядочивает любое социальное пространство.

В этом месте наше исследование подошло к одному из ключевых моментов. Это вопрос смысла, вопрос оживляющей интенции. Вспомним пример знака «ручка». Если со значением, с идеальным образом этого слова в целом все прозрачно, то что же будет смыслом этого слова? Дверная ручка, авторучка или детская ручка? В этом месте мы должны рассмотреть последнюю характеристику поля языка – наличие различных напряженностей.

В физике линии, соединяющие точки с одинаковыми характеристиками называются геодезическими линиями. Перенося физическую идеальность в поле нашего рассуждения, мы видим, что геодезические линии, соединяющие точки с одинаковой "смысловой напряженностью" языка, будут очерчивать, говоря словами А.Шюца «области конечных значений», замкнутые поля внутри единого поля языка. Эти поля одинаковых смысловых характеристик и будут являться тем, что М. Фуко называл дискурсом, который становится таковым только тогда, «когда конституционально образовано полностью структурированное поле.»¹²

Таким образом, в едином поле языка существуют обособленные области, имеющие определенные характеристики, которые и будут представлять различные дискурсы. Именно дискурс обладает властью для того, чтобы ограничить огромный набор смыслов, латентно скрытых в значении, до нескольких экземпляров, используемых в данной языковой практике. Для примера возьмем слово «напряжение». Набор его смыслов достаточно велик, однако психологический дискурс выделяет четко определенный смысл этого слова, как внутреннее психическое напряжение или напряженность ситуации, тогда как технический дискурс, с другой стороны, выделяет смысл электрического напряжения и т. д.

Дискурс являет себя в том, что имеет власть над смыслами. Из множества потенциальных смыслов знака, дискурс выделяет лишь некоторые, те, что становятся в данном дискурсе актуальными. Следовательно, если определенный набор знаков последовательно проводить через различные дискурсы, то мы заметим определенные смысловые метаморфозы, показывающие, что каждый дискурс обладает собственной достаточно замкнутой, упорядоченной системой смыслов, задающей не только отдельные смыслы, но и саму логику смыслообразования.

Порядок исследования выводит к тому, что в разные моменты жизни человек пребывает в совершенно различных областях единого языкового поля, в различных смысловых системах, что непосредственно обеспечивает возможность и необходимость его собственной несамостоятельности. Со сменой среды дискурса, во власти которого находится сознание, происходит перестраивание, перепонимание, переинтерпретация мира и места человека в нем. Набор

¹² Фуко М. Рождение клиники. М., 1998. С.100

означающих, возможно, остается прежним, но изменяется система смыслов. Даже при сохранении направленности сознания на определенный предмет, при смене дискурса, остается неизменным лишь первичное впечатление, «предвыразительный» слой опыта, если вслед за Гуссерлем признать само его существование. «Так как возможность конституирующих идеальных объектов принадлежит сущности сознания, и так как эти идеальные объекты являются историческими продуктами, появляясь только благодаря актам творчества или интендирования, элемент сознания и элемент языка будут все более трудны для различения.»¹³ Действительно, учитывая то, что любое сознание не только интенционально, но и всегда дискурсивно, то, что именно язык производит разбив Бытия, предшествуя восприятию, также то, что любой предмет однако не предопределен вышеуказанным разбивом, но требует герменевтической интерпретации, возможность присутствия нередуцируемого (как внеязыкового) после редукции становится все более зыбкой. Эти рассуждения, нарушающие возможность определенности и само-тождественности, относятся как к рассмотрению человека, так и к рассмотрению человеческого мира в его кажущейся целостности. Любая предполагаемая самотождественная человеческая сущность подвергается воздействию расшатывающих и сотрясающих языковых различий, лишая ее возможности оставаться одним и тем же.

Очевидно, что язык, являясь динамичным и всепроникающим феноменом, несводим к отдельным описаниям или определениям. Само понятие «язык», в данном контексте, сравнимо с понятием «человечество» в том, что если даже мы сможем определить объем этих понятий, это будет практически все, что мы сможем сделать. Имеет ли смысл выражение «человечество покоряет космос»? Точно такой же, как выражение «Все люди говорят на языке». Ни человек, ни язык не поддаются дефинициям, т. к. любая дефиниция – это всего лишь проявление какого-то определенного дискурса, претендующего на всеобщность. Что мы можем сказать о кролике – что он прячется в кустах. Что мы можем сказать о языке – что он настолько же многообразен, насколько многообразно человечество. Что мы можем сказать об отдельном человеке – что он настолько же многообразен, насколько многообразен язык.

Завершая наше исследование, хотелось бы еще раз обратиться к М. Фуко с тем, чтобы наметить пути дальнейших поисков. Здесь возможно появление вопросов о причинах, способах и особенностях переходов человека из-под власти одного дискурса в другой, впрочем как и о способах существования самих дискурсов. В любом случае, мы сможем избежать упрощенных и бесполезных спекуляций при условии, что вопрошание происходит лишь внутри словаря или языка, предоставляемого нам тем, что наблюдается. Тем более, что язык говорит с каждым индивидуально. «Взгляд завершится в своей собственной истине и получит доступ к истине вещей, если он замрет над ней в молчании, если совсем замолчит о том, что он видит. В глубине этого молчания видимые вещи, наконец, могут стать слышимыми, и слышимыми единственно потому, что они видимы.»¹⁴

¹³ Деррида Ж. Голос и феномен Изд. «Алетейя» (СПб) – 1999. С. 26

¹⁴ Фуко М. Рождение клиники. М.: 1998. С. 167